

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОГО РУЧНОГО ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ XVI-XVII ВВ.

В источниках и исследованиях по истории русского оружия встречается еще немало оружейных терминов, происхождение и точный смысл которых до сих пор остаются неясными как для историков военного искусства, так и для филологов. Такие пробелы в наших познаниях выражаются, прежде всего, в отсутствии отчетливого представления о конструктивных, особенностях обозначенного определенным термином оружия и, следовательно, в незнании его боевых возможностей, а это, в свою очередь, затрудняет понимание техники применения такого оружия и оценку тактики вооруженных им бойцов. С другой стороны, неточное представление о значении оружейных терминов часто препятствует полноценному анализу тех документальных источников по истории оружия и военного искусства, в которых такие термины встречаются.

К числу наименований старинного оружия, долгое время получавших в научной литературе либо неточное, либо неверное объяснение, относится и термин «самопал». По вопросу о значении этого слова подавляющее большинство историков, археологов и оружейников сходятся в том, что оно служило общим названием всех видов ручного огнестрельного оружия типа пищали. Впервые эта точка зрения выдвинута еще А.В. Висковатым¹, а затем повторена И.П. Боричевским² и П. фон Винклером³. В том же плане высказался Н. Е. Бранденбург, считавший, что термин «самопал» «...не обозначал собою какого-либо особого класса пищалей, с теми или другими особенностями, а ...служил общим обозначением оружия, из которого „палили"»⁴. Практически провел это положение Г. Д. Филимонов в составленном под его руководством каталоге Оружейной Палаты⁵. В этом издании под названием «самопалы» описаны различные виды и типы огнестрельного оружия, независимо от того, как они были определены в документах XVII в., причем никаких критериев своей классификации составители каталога не привели.

В ряду аналогичных, по существу, высказываний дореволюционных ученых, затронувших вопрос о значении термина «самопал», особняком стоит точка зрения А. Ф. Вельтмана, возглавлявшего в середине XIX в. музей Оружейной Палаты. По мнению А. Ф. Вельтмана, самопал – это «пищаль с замком и огнивом, называлась так в отличие от пищали, зажигаемой

¹ А. В. Висковатов. Историческое описание одежды и вооружения российских войск, I, СПб., стр. 7S–747. Приложения, стр. ХСVII примеч. 145.

² Военный энциклопедический лексикон, XI, СПб., 1856, стр. 630.

³ П. фон Винклер. Оружие. СПб., 1894, стр. 353 сл.

⁴ Н. Е. Бранденбург. Исторический каталог Санкт-Петербургского Артиллерийского музея, I, СПб., 1877, стр. 245–246.

⁵ Опись Московской Оружейной Палаты, 5, кн. 4, М., 1885, стр. 5 сл.

[104]

фитилем или пальником»⁶. Отсутствие аргументации в этом лаконичном определении не позволяет судить о том, является ли оно результатом изучения термина, а также сопоставления вещественных и письменных памятников, или же интуитивной догадкой, подсказанной многократными упоминаниями о «самопалах с замками» в старинных документах. Как бы то ни было, А. Ф. Вельтман наметил новый путь в решении «проблемы самопала», однако его точка зрения не привлекла серьезного внимания и не была разработана. Дважды это мнение было просто пересказано⁷, а внешне примкнувший к нему Савваитов даже затемнил первоначальный смысл, так как, плохо разбираясь в терминах и устройстве оружия, приписал огниву искрового замка функцию фитильного курка (жагры)⁸.

Из советских историков серьезную попытку разобраться в некоторых оружейных терминах XVI–XVII вв. сделал С. К. Богоявленский. Однако и он не пришел к принципиально новым выводам относительно самопала, примкнув к точке зрения большинства. По мнению этого исследователя, «пищалью или самопалом называли всякое ружье, если оно не было мушкетного или карабинного типа»⁹. Известный оружейник и военный историк В. Г. Федоров усматривал в самопалах только образцы ручного огнестрельного оружия, называемые так «в отличие от неогнестрельных самострелов»¹⁰. К неоправданно пессимистическому заключению пришел другой историк оружия – С.Л. Марголин, специально изучавший стрелецкое вооружение. Отметив, что основным оружием для стрельцов служили «ручная пищаль, самопал или мушкет, под каким бы из этих имен, оно не выступало», автор признает, что «весьма трудно провести границу между значением и временем употребления этих трех наименований ручного огнестрельного оружия»¹¹.

Поскольку недавние работы по русскому оружию¹² совсем не упоминают о самопалах, последним (но не новым и не лучшим) словом историков по этому вопросу приходится считать следующую заметку в энциклопедии: «Самопал– гладкоствольное огнестрельное оружие типа пищали, которое было распространено в России в 15 в. Пищали (см.) малого калибра назывались самопалами, завесивши пищальями... или ручницами. Самопалы заряжались с дульной части; воспламенение заряда производилось через затравочное отверстие первоначально раскаленным железным прутом, затем фитильным, а впоследствии кремневым замком»¹³.

Попытки объяснить термин «самопал» делались также многими лингвистами и филологами. Однако за исключением И. И. Срезневского¹⁴, повторившего в своем труде точку зрения А. Ф. Вельтмана, до настоящего времени исследователи придерживались возникшей еще в первой половине XIX в. филологической традиции, согласно которой самопалы представляли собой «огнестрельное оружие или пищаль без замка, фитилем

⁶ А. Ф. Вельтман. Московская Оружейная Палата. М., 1814, стр. 53–54. '

⁷ Энциклопедический словарь Брокгауза – Ефрона, XXVIII^a, СПб., 1900, стр. 228; И. И. Срезневский. Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам, III, СПб., 1903, стр. 251.

⁸ П. И. Савваитов. Описание старинных царских утварей... извлеченное из рукописей Архива Московской Оружейной палаты. СПб., 1865, стр. 237 и 261.

⁹ С.К. Богоявленский Вооружение русских войск в XVI–XVII вв. // ИЗ, 1938, 4, стр. 274.

¹⁰ В.Г. Федоров. История винтовки. М., 1940, стр. 25.

¹¹ С.Л. Марголин Вооружение стрелецкого войска. Тр. ГИМ, XX. М. 1941, стр. 96 и 102. Подобного же взгляда придерживаются Н. И. Соболев и В. А. Ермолов. Огнестрельное привозное оружие XVI–XVII веков. Гос. Оружейная Палата Московского Кремля. Сб. научн. тр. М. 1954 стр. 389.

¹² М.М. Денисов, М.Е., Портнов, Е.Н. Денисов. Русское оружие XI–XIX вв. М., 1953; Н. И. Гнатовский, П. А. Шорин. История развития отечественного стрелкового оружия. М 1959.

¹³ БСЭ, 38, М., 1955, стр. 20.

¹⁴ И.И. Срезневский. Ук. соч., стб., 25.

[105]

заправляемое»¹⁵. Эта мысль, сопровождаемая описанием устройства самопала-«ружья фитильного», была высказана и В.И. Далем¹⁶. Д.И. Ушаков трактует самопал как «старинное фитильное ружье примитивного устройства, пищаль»¹⁷. Тринадцатый том академического словаря приводит следующее определение самопала самопала: «старинное гладкоствольное фитильное ружье без замка, похожее на пищаль»¹⁸. Единственный современный словарь, не упоминающий о фитильном воспламенении, все же обрисовывает самопал чересчур упрощенно как «старинное гладкоствольное огнестрельное оружие, заряжаемое с дула»¹⁹. Как будет показано ниже, во всех этих описаниях безусловно верно лишь то, что самопал – старинное огнестрельное оружие.

Приходится отметить, что данные филологами определения самопала ни разу не были обоснованы соответствующими примерами из письменных источников, а только иллюстрировались отрывками из произведений художественной литературы XIX-XX вв. Как ни странно, не нашли места в упомянутых работах и какие-либо соображения об этимологии термина или о причинах его возникновения.

Как видно, ни историки, ни лингвисты не раскрыли содержание термина «самопал» и не объяснили убедительным образом причин его бытования наряду с другими названиями ручного огнестрельного оружия. Найти ответ на вопрос, являющийся темой данной статьи, можно только при помощи всестороннего анализа термина «самопал» и упоминающих его письменных источников, с непременно учетом историко-технических факторов, определявших эволюцию ручного огнестрельного оружия в XVI–XVII вв.

II

Среди известных мне письменных источников наиболее раннее упоминание о самопалах содержится в русской повести об осаде Пскова войсками Стефана Батория (август 1581 – январь 1582г.), написанной, вероятно, вскоре же после осады²⁰. В одном из эпизодов повести автор, который сам пережил осаду и с хорошим пониманием военного дела изложил все ее перипетии, говорит, что псковские стрельцы стреляли по осаждающим из «долгих самопалов».²¹ В тот же период слово «самопал» было занесено в так называемый «Парижский словарь московитов», составленный в 1586 г.²² Французские, мореплаватели посетившие устье северной Двины, записали это слово у местных жителей в форме «senapar», являющейся вариантом долго применявшейся в холмогорских говорах формы «санапал»²³. О том, что последняя равнозначна термину «самопал», свидетельствует большое количество письменных источников²⁴.

В русских архивных документах термин «самопал» ранее всего встречается в «Описи казны Бориса Федоровича Годунова», составленной

¹⁵ П. И. Соколов. Общий церковно-славяно-русский словарь, II, СПб., 1834, стб. 1175; Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением имп. Академии наук. IV, СПб., 1868, стб. 187.

¹⁶ В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, IV, М., 1955, стр. 134.

¹⁷ Д. Н. Ушаков. Толковый словарь русского языка, IV, М., 1940, стб. 39.

¹⁸ Словарь современного русского литературного языка, 13, М.– Л., 1962, стр. 123.

¹⁹ Словарь русского языка, IV, М., 1961, стр. 26.

²⁰ Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков. Подготовка текста В. И. Малышева. М.– Л., 1952, стр. 27.

²¹ Там же, стр. 88.- Под этим выражением следует понимать, по-видимому, пищали для пеших воинов, отличавшиеся большой длиной по сравнению с кавалерийскими «пищальми завесными» (называвшимися также «самопалами съезжими»).

²² Б. А. Ларин. Парижский словарь московитов. Рига, 1948, стр. 80.

²³ Б. А. Ларин. Русско-английский словарь. Дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.). Л., 1959, стр. 67, 205–206.

²⁴ Б. А. Ларин. Парижский словарь московитов, стр. 80.

[106]

в 1588 г.²⁵ и перечисляющей под особой рубрикой «Самопалы» семь пред-зметов²⁶.

Из этих данных можно сделать вывод, что к 80-м годам XVI в. самопалы были распространены на обширной части территории Московского государства и не являлись к тому же редкостной новинкой, поскольку они уже состояли на вооружении войсковых стрелков, а также использовались в различных по социальному положению слоях населения. В связи с этим закономерно, кроме того, заключить, что это оружие и его название появились ранее 80-х годов XVI в. и что к этому времени термин «самопал», по-видимому, уже прочно вошел в языковой обиход. Хотя поэтому есть все основания рассчитывать на то, что в дальнейшем среди письменных источников будут обнаружены и более ранние сведения о самопалах, в настоящий момент для исследования достаточно

уже даже приведенных данных и того неоспоримого факта, что с начала XVII в. количество упоминаний о самопалах в различных документах неуклонно возрастает.

Наряду с этими соображениями надо отметить, что к последней четверти XVI в. наиболее распространенное на Руси название ручного огнестрельного оружия – «пищаль» – применялось уже более ста лет, а для обозначения артиллерийских орудий это слово привилось еще раньше²⁷. По мере развития вооружения язык чутко реагировал на возникновение новых типов оружия созданием соответствующих терминов. В русском языке, в частности, процесс эволюции ручного огнестрельного оружия отразился, например, в красноречивых и понятных терминах «пищаль ручная» («ручница»), «пищаль завесная», «пищаль винтовальная» и т. д. Если на ряду со словом «пищаль» с какого-то времени термин «самопал» не будет слишком смелым предположение, что он также был обязан своим возникновением появлению нового типа оружия.

Структура и содержание термина «самопал» лингвистически понятны. Вторую его половину составляет корень древнего общеславянского глагола «палить», который, являясь каузативом к глаголу «пальти» (пылать, гореть), выражает понудительную акцию, при которой субъект своим действием принуждает объект пылать, гореть²⁸. Значения глагола «палить» в славянских языках идентичны: жечь, сжигать, зажигать, стрелять²⁹. Совершенно очевидно, что последнее из указанных значений появилось у глагола «палить» только с появлением и распространением огнестрельного оружия, общее название которого в ряде языков связано с этим глаголом³⁰.

До появления огнестрельного оружия, когда в качестве ручного метательного оружия применялись луки и арбалеты, их действие очень точно обозначалось глаголом «стрелять», т. е. метать стрелы³¹. Из различных производных от этого глагола особый интерес для данной темы представляет существующее в славянских языках название арбалета – самострел³². В то время как в ряде западноевропейских языков название этого

²⁵ П.И. Савваитов. Ук. соч., стр. 11-47. Издатель неточно датировал ее 1589 г. Датировка была уточнена А. Е. Викторным в Описании записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1584–1725 гг., I, М., 1877, стр. 5.

²⁶ П. П. Саиваитов. Ук. соч., стр. 32–33. Из семи предметов, помещенных в этом разделе, шесть вторично названы самопалами, а один – аркебузой.

²⁷ Л. Н. Кирпичников. Военное дело средневековой Руси т появление огнестрельного оружия // СА. 1957. № 3, стр. 65.

²⁸ Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т.В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1961.

²⁹ Сербско-хорватское палити, польское palio, чешское paliti.

³⁰ Например, польское bron palna, чешское palna zbrana. Проникновение в языки нового значения глагола палить – стрелять из огнестрельного оружия сопровождалось появлением таких производных слов с соответствующим значением, как пальнуть, пальба и т. п.

³¹ Украинское стреляти, сербско-хорватское стреляти, польское strzelac, чешское streliti; аналогично французское tirer (от trait – стрела)–первоначально «метать стрелы», впоследствии также «стрелять из огнестрельного оружия».

³² Украинское самострил, чешское samostril, польское samostizal.

[107]

оружия отражает либо составные элементы его конструкции³³, либо способ держания его³⁴, названия арбалета в славянских языках раскрывает один из принципов действия оружия.

Известно, что арбалет принципиально отличается от лука не только ложем и рядом конструктивных изменений, но и специальными механическими приспособлениями для заряжания и производства выстрела. Если весь процесс стрельбы из лука целиком выполнялся стрелком, непосредственно выпускавшим стрелу из своей руки, то арбалетчик получил возможность заранее зарядить оружие в ожидании нужного момента для прицеливания и выстрела, для которого требовалось лишь нажать на спуск.. Именно благодаря этому закрепленный и нацеленный арбалет и мог использоваться в западнях без

стрелков: это оружие, действительно, само стреляло – пускало стрелу при небольшом рывке за прикрепленный к спуску шнур.

Таким образом, появление нового стрелометного оружия привело к возникновению и специального названия для него, которое в ряде славянских языков отображает специфическую особенность заряженного оружия производить выстрел механическим путем, при минимальном усилии или даже без участия стрелка. Это обстоятельство, а также напрашивающаяся аналогия между структурно и семантически сходными терминами «самострел» и «самопал», уже отмеченное выше появление слова «самопал» при наличии старого термина «пищаль» и, наконец, бесспорное значение глагола «палить» – «поджигать порох заряженного ружья», «стрелять» – все-это подтверждает предположение о том, что возникновение термина «самопал» было вызвано появлением нового типа огнестрельного оружия, техника стрельбы из которого значительно отличалась от применявшихся ранее приемов.

Как явствует из самого слова «самопал», в названном так оружии его современники отметили ту особенность конструкции, благодаря которой оружие «палило само», т. е., как оказали бы теперь, автоматически. Что название «самопал» отражает некую автоматику действия, подтверждается вполне понятными примерами употребления этого слова. В. И. Даль отметил в Сибири применение этого названия к ружью для западни, т. е. к оружию, в котором, безусловно, имелось автоматическое воспламенение. В украинском языке «самопал» означало, кроме ружья, ловушку для крупных зверей (вероятно, механический капкан)³⁵. В сербско-хорватском языке «самопало» имеет синонимом слово «самокрес», которое означало не только некий «род ружья»³⁶, но применялось еще и в значении «автоматический пистолет»³⁷. В чешском языке слово «samopal» не приобрело явно архаического оттенка, как в большинстве славянских языков, а означает современное оружие, называемое в других европейских языках автоматом или пистолетом-пулеметом; соответственно чешское «samopalnik» («самопальник» в русских документах XVII в.) теперь значит «боец-автоматчик».

Чтобы стало ясным, к каким типам огнестрельного оружия применили в XVI в. название «самопал», уместно привести некоторые существенные данные о развитии ручного огнестрельного оружия этого периода.

Ранние образцы огнестрельного оружия, как известно, не имели механических приспособлений для воспламенения заряда, которое производилось

³³ Французское *arbalete*, итальянское *arcobalestro* от латинского *arcus* + *balista* «балиста с луком», английское *cross-bow* – «крестообразный лук».

³⁴ Немецкое *Armbrust* от *Arm* «рука» и *Brust* «грудь»; польское *samostrazl-kasza regzna* «ручная баллиста».

³⁵ Словарь украинского языка, IV, Киев, 1909, стр. 100.

³⁶ *Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti. Rjecnik hrvatskoga ili srpskogaiazika. Dio XIV. Zagreb, 1955, стр. 573, 576.*

³⁷ И. И. Толстой. Сербско-хорватско-русский словарь. М., 1957, стр. 847; ср. J. Dayre, M. Deanovic, R. Maixner. *Hrvatskosrpsk-francuski rjecnik. Zagreb, 1956, стр. 655.*

[108]

вручную раскаленным железным прутом или тлеющим фитилем. Последний способ, терпимый в артиллерии вплоть до конца первой четверти XIX в., в стрелковом огнестрельном оружии являлся огромной помехой для прицеливания. Важным усовершенствованием, устранившим этот недостаток, было изобретение фитильного замка, который появился не позднее начала XV в.³⁸.

Помимо заряжания оружия, процедура подготовки к стрельбе с применением фитильного воспламенения требовала сначала высечения искр на прут с помощью кремня и огнива, а затем перенесения огня непосредственно на фитиль. Заправив фитиль в серпентину, надо было продерживать его по мере прогорания, а перед выстрелом

следовало раздуть тлеющий огонек и открыть полку, после чего уже можно было прицелиться и нажать на спуск. Кроме сложности обращения с фитильным оружием, у него были и другие недостатки, однако простота устройства и дешевизна фитильных замков обеспечили этому оружию длительное существование. Применяясь главным образом для пехотного вооружения, в европейских странах оно полностью вышло из употребления лишь в конце XVII в.

Весьма существенно облегчив прицеливание, фитильный замок, в силу присущих обращению с ним особенностей, не смог разрешить проблему удобного применения огнестрельного оружия на охоте и в кавалерии. Поиски более совершенных методов воспламенения привели на рубеже XV–XVI вв. к изобретению наиболее ранней искровой автоматической системы – колесцового замка, сконструированного, скорее всего, в Италии и впервые зафиксированного в рисунках Леонардо да Винчи³⁹. В течение первых двух десятилетий XVI в. механизм колесцового замка был усовершенствован и без принципиальных изменений применялся до середины XVII в., а в Германии даже до второй половины XVIII в.

Действие колесцового замка основано на трении зажатого в курке пирита или кремня о стальное колесико-огниво, проходящее сквозь прорезь полки с затравочным порохом и вращаемое предварительно взведенной пружиной. Высекаемые при этом искры воспламеняют порох на полке, а вспыхнувший огонь через затравку передается заряду. По сравнению с фитильным оружием, процедура подготовки заряженного оружия с колесцовым замком к выстрелу значительно упростилась, так как отпала необходимость предварительно высекал огонь, возиться с фитилем и открывать полочную крышку, которая в колесцовом замке отодвигалась автоматически. Для выстрела практически необходимо было только в зависимости от типа замка либо опустить курок на полку, либо просто откинуть предохранитель. С изобретением колесцового замка к концу первой трети XVI в. были созданы пистолет и карабин – легкое портативное оружие, которое впервые обеспечило постоянную готовность к немедленному выстрелу и нашло широкое применение, прежде всего, у охотников и кавалеристов, несмотря на то, что власти сначала пытались запретить это считавшееся слишком опасным оружие.

Оружие с колесцовым замком знаменовало собой огромный технический прогресс в военном деле, однако механизм замка был довольно хрупок, сложен и дорог, а потому невыгоден для массового применения. Стремление найти более простой способ автоматического воспламенения привело к созданию другой искровой системы – кремнево-ударного

³⁸ Наиболее раннее известие о фитильном замке содержится в иллюстрированной немецкой рукописи 1411 г., хранящейся в Вене. С. Blair. *European and American Arms*. London, 1962, стр. 41.

³⁹ A. Gaibi. *Appunti sull'origine e sulla evoluzione meccanica degli apparecchi accensione delle armi da fuoco portatili*. «Ai-mi antiche». Bollettino dell'Accademia di San Marignano, XI, Torino, 1956, стр. 82 сл.; J. F. Hayward. *The Art of the Gunmaker*, I, London, 1962, стр. 40 сл.; О реконструкции замка и об изображении подобного же механизма в немецкой рукописи 1505 г. (манускрипт Мартина Лёффельхольца); С Blair. *A Note on the Early History of the Wheel-Lock*. «The Journal of the Arms and Armour Society», III, 9 (March 1961), стр. 221–256.

[109]

замка, сконструированного, вероятно, вскоре после появления колесцовых механизмов⁴⁰.

О существовании огнестрельного оружия, действующего при помощи «огненного камня» (буквально «ружья с камнем или с мертвым камнем»), свидетельствуют итальянские архивные документы уже с 1522 г.⁴¹. Возможно, что в некоторых из этих документов, относящихся к первой половине XVI в., речь идет только или преимущественно о колесцовых замках. Определенные упоминания о кремнево-ударных замках содержатся в шведском⁴² и итальянском⁴³ документах 1547 г., а наиболее ранние сохранившиеся образцы замков этой системы датируются серединой XVI в.⁴³. К началу последней четверти XVI в. кремнево-ударный замок был уже широко распространен в

европейских странах ⁴⁴, где эта система воспламенения продолжала развиваться и применялась до середины XIX в.

Действие кремнево-ударного замка основывается на имитации движений человека, высекающего огонь с помощью кремня и огнива. Высекаемые искры воспламеняют затравочный порох на полке, с которой совмещена затравка ствола. Производство выстрела из оружия, оснащенного этим механизмом, ограничивало для большинства типов замков отключением предохранителя и нажимом на спусковой крючок. Сравнительная простота устройства и изготовления кремнево-ударных замков явилась предпосылкой для быстрого и широкого распространения их со второй половины XVI в. не только в охотничьем, но и в боевом оружии, о чем помимо архивных документов ⁴⁵ свидетельствуют иконографические и вещественные памятники ⁴⁶.

Наиболее раннее из известных сейчас письменных сообщений об искровых замках – рассказ аугсбургского хрониста Вильгельма Рема ⁴⁷. В нем говорилось, как некий Лукас Пфистер в 1515 г. чуть было случайно не застрелил одну девушку: «Он взял в руку заряженное ружье, запал [der zinder]⁴⁸ которого был устроен так, что при нажиме огонь сам высекался и тогда ружье стреляло».

В подлинном тексте особенно примечательно выражение «so schlug es selb feur auff», которое переведено в работе К. Блэра «it ignited itself», т. е. «воспламенялся сам». Оборот, который действительно можно точно таким образом перевести на английский и русский языки, содержится в хронологически следующих за приведенным документах.

3 ноября 1517 г. император Максимилиан I издал распоряжение, адресованное эрцгерцогству Штидагя, запрещающее изготовление и потение ручного огнестрельного оружия с автоматическим воспламенением, что явно свидетельствует о его растущем применении.

Одна из причин, вызвавших это распоряжение, раскрыта в письме комиссии ландтага австрийских земель, адресованном Максимилиану I 16 марта 1518 г. В нем рекомендуются законы, направленные против разных преступлений, а также против разбойников и тому подобных

⁴⁰ С. Blair. European and American Arms, стр. 43.

⁴¹ С. Bosson. Contribution a l'etude de la platine a silex, «Armes anciennes», 2, Geneve, 1954, стр. 31–44; A. Gaibi. «Armi antiche», IV, 1957. стр. 37–65.

⁴² А. Meyerson. Stockholms bossmakare. Stockholm, 1936, стр. 10.0

⁴³ С. Bosson. Ук. соч., стр. 35.

⁴⁴ А. Caibi. Ук. соч., II, II-bis, рис. 1; J. F. Hay ward. Ук. соч., стр. 44, 129; С. Blair. European and American Arms, стр. 44, рис. 295; А. Meyerson. Vapenin-dustrierna i Arboga undre aldre Vasatid. Stockholm, 1939, стр. 103.

⁴⁵ С. Bosson. Ук. соч., стр. 36–39.

⁴⁶ Т. Lenk. Flintlaset, des uppkomst och utveckling. Stockholm. 1939, табл. I, II; J. F. Hayward. English Fire-Arms; of the 16-th Century, «The Journal -of-the Arms and Armour Society», III, 5 (March, 1960), стр. 117–141; С. Blair. European and American Arms, рис. 294, 295, 297, 298.

⁴⁷ С. Blair. A note..., стр. 225, 249, 253.

⁴⁸ Совр. Zunder – «запал», «воспламенитель». Имеется в виду замок.

⁴⁹ Документ хранится в Штирийском провинциальном архиве. С. Blair, A note..., стр. 225, 249.

[110]

лиц, которые «скрытно носят ружья под одеждой». «Равным образом следует запретить провоз или ношение ружей, которые сами выбивают огонь, а также изготовление замков где бы то ни было» ⁵⁰. Комментируя этот документ, К. Блэр справедливо отмечает, что оба этих отрывка взаимосвязаны и объясняют друг друга, поскольку именно искровой замок позволил, обходясь без фитиля, носить оружие «прятанным и готовым к немедленному выстрелу».

Недавно стал известен еще один указ Максимилиана I от 28 июня 1518 г. о запрещении ношения и изготовления «самостреляющих ружей» на всей территории Священной римской империи⁵¹. «Самовоспламеняющееся» оружие четыре раза называется в тексте указа, основное содержание которого заключено в следующем: «Ввиду того, что был нанесен и повседневно наносится явный и большой ущерб из-за ружей, которые сами воспламеняются и которые теперь применяются и употребляются, возятся и носятся конными и пешими людьми... мы строжайше запретили в дальнейшем их изготовление, а также провоз и ношение... под страхом тяжелых наказаний...».

Уместно отметить, что соответствующие немецкие выражения приведенных документов в английских исследованиях переведены: «gun ignited itself» (или «went off on its own»), «self – igniting» (или «self – striking gun»), т. е. «ружье воспламенилось (выстрелило) само», «самовоспламеняющееся (самостреляющее) ружье». При подобном близком к оригиналам переводе на русский язык тип оружия обрисовывается достаточно точно, но в громоздкой и малоупотребительной форме. Если же принять во внимание все сказанное ранее о глаголе «палить» и термине «самопал», вряд ли можно оспаривать, что именно этот реально-применявшийся термин больше всего соответствует как немецким обозначениям оружия с искровыми замками, так и английским переводам этих названий⁵². При этом русское слово «самопал» более кратко, очень точно и метко передает характер действия оружия, и в этом отношении ему уступают все упомянутые эквиваленты.

Правильность указанной интерпретации подтверждается рядом наблюдений. Так, в украинском языке прилагательное «самопальный» еще в XIX в. применялось в значении «самовоспламеняющийся»⁵³. Еще показательнее сербско-хорватский термин «самокрес», являющийся синонимом слова «самопало». Поскольку «кресати» означает «высечь огонь кресалом», т. е. огнем⁵⁴, несомненно, что «самокрес» должен был некогда означать какой-то механизм, автоматически производящий это действие. Как было сказано выше, этой цели и служили различные искровые механизмы, примененные к огнестрельному оружию. Предлагаемая расшифровка термина «самопал» согласуется и с мнением В. С. Караджича, который, рассматривая слово «самокрес» («пистолет»), предполагал, что возникновение этого названия относится к тому времени, «когда к ружьям пристроили замки с кремнем, так как вначале из них стреляли [палили] с помощью фитиля»⁵⁵.

До появления искровых замков сам прием стрельбы как нельзя лучше иллюстрирует применение глагола «спалить» к действиям пищальника, который рукой, а с XV в. с помощью фитильного замка действительно

⁵⁰ С. Blair. A note..., стр. 225–226, 253 (notes 23, 24).

⁵¹ Там же, стр. 226, 250, 251, 253.

⁵² Немецкому выражению «die selbschlagenden hanndpuclissen» больше всего соответствует русское «самопальные ручницы».

⁵³ Г. Е. Кочин. Материалы для терминологического словаря древней России. М.–Л., 1937, стр. 176.

⁵⁴ Л. А. Мичатек. Дифференциальный сербско-русский словарь. СПб., стр. 244; И. П. Толстой. Ук. соч., стр. 847.

⁵⁵ В. С. Карани. Српски рјечник. Беч, 1852, стр. 663.

[111]

«запал» (воспламенял) затравочный порох. Подобно тому как слова «пищаль» и «самострел» продолжали еще долго употребляться в своем обычном значении, а глагол «стрелять» в 16-17 вв. постепенно изменял свое старое значение «пускать стрелы», древний глагол «палить» не вышел из употребления с появлением новых систем воспламенения, с которыми длительное время сосуществовал фитильный замок, и вошел в состав обозначивших эти системы новых терминов.

Сведения о самопалах, содержащиеся в русских письменных источниках XVI–XVII вв., самым убедительным образом подтверждают изложенную выше интерпретацию термина «самопал».

III

В русских документах XVI-XVII вв. отчётливо прослеживается разница между обозначениями фитильных замков и замков искровых систем. Общепринятый современный оружейно-технический термин «фитильный замок» встречается в письменных источниках лишь с середины XVII в., да и то весьма редко⁵⁶. Для выражения, соответствующего понятию использовали слово «жагра», обозначавшее важнейшую и ранее других возникшую деталь механизма фитильного воспламенения – круто изогнутый курок, в котором зажимался фитиль. Хотя иногда в документах встречаются такие названия, как «пищаль жагорная»⁵⁷ или «мушкет с фитилем»⁵⁸, многочисленные примеры свидетельствуют о том, что в указанный период самыми обычными наименованиями фитильного оружия были «пищаль (или мушкет) с жагрой».

Из многих документов видно, что оружие «с жаграми» всегда отделяется от оружия «с замками» или даже известным образом противопоставляется последнему. В описи оружия Кирилло-Белозерского монастыря 1668 г., например, перечисляются вначале 768 мушкетов с жаграми, а затем в особой рубрике 161 мушкет с замками⁵⁹. В описи оружия, взятого по царскому указу из того же монастыря, в 1695 г. записаны, в частности, «94 мушкета с замками, 238 мушкетов с жаграми»⁶⁰. В Описи Московской Оружейной Палаты 1687 г. после каждого наименования оружия обычно идет либо пометка «с жагрой», либо описание замка⁶¹, в котором нетрудно распознать какой-нибудь из типов искровых механизмов воспламенения. Весьма показателен случай с вяземскими стрельцами, вооружение которых в 1638 г. пополнялось мушкетами с жаграми. По сообщению воеводы, стрельцы заявили, что «они из таких мушкетов преже сево у них с жаграми не бывало, а были де у них и ныне есть пищали старые с замки»⁶².

В то время, как в документах встречаются упоминания о необходимых для жагорного оружия фитилях⁶³, имеются столь же определенные указания на то, что к «замочному» оружию требовались кремни. Так, оскольский воевода в 1637 г. приказывает проверить оружие стрельцов, с тем «чтобы у них пищали и у пищалей замки были добрые, и кремень было

⁵⁶ Для XVII в. мне известен лишь один случай упоминания термина «фитильный замок» – в Описи имущества Троице-Сергиева монастыря 1641–1642 гг. Н. В. Гордеев. Русское огнестрельное оружие и мастера-оружейники Оружейной Палаты XVII века. Государственная Оружейная Палата Московского Кремля. Сб. научн. тр., стр. 16.

⁵⁷ А. Н. Кирпичников, И. Н. Хлопин. Крепость Кирилло-Белозерского монастыря и ее вооружение в XVI–XVII веках. МИА, 77, 1958, стр. 197.

⁵⁸ «Русская историческая библиотека», XXVI. Донские дела. Кн. 3, СПб., 1909, стб. 949 (№ 80).

⁵⁹ П. И. Савваитов. Оружейная палата Кирилло-Белозерского монастыря по описным книгам 1668 г. ЗОРСАРАО, I, 1851, стр. 8 сл.

⁶⁰ Кирпичников, И.Н. Хлопин.- Ук. соч., стр. 199.

⁶¹ Опись оружейной и всякой казны... 1687 г., Рукопись ЦГАДА кн. № 936.

⁶² С. Л. Марголин. Ук. соч., стр. 97.

⁶³ Например, в отписке новгородского воеводы о высылке боевых припасов в Путивль в 1678 г.: «20 пудов фитилю для того, что у многих стрельцов мушкеты с жагры». С. Л. Марголин. Ук. соч., стр. 97.

[112]

запасное»⁶⁴. В «Переписной книге оружия московских стрелецких приказов» упомянуты «16 тысяч кремней к замочным ружьям»⁶⁵.

О том, что само слово «замок» (оружейный) применялось в XVI–XVII вв. для обозначения механизмов искровых систем, т. е. колесцового или кремнево-ударного замка, свидетельствуют также часто встречающиеся в документах указания на тип замка и описания его технических деталей. В перечне самопалов Б. Ф. Годунова первым стоит «самопал съезжий... замок ливонской; сверх колеса обод; и над колесом и кругом колёса золочена образинка...»⁶⁶. Совершенно очевидно, что здесь описан колесцовый замок, нередко прямо называемый в документах «самопал съезжей... замок колесной...»⁶⁷. Опись

имущества боярина Н. И. Романова включает следующий интересный эпизод: «165 году, февраля в 23 день, в Оружейный Приказ принесено от государя сверху сундук, а в нем рухлядь боярина Никиты Ивановича Романова: 12 замков гнутых пружин, 44 замка русского дела прямых пружин, 9 замков барабарских. И по осмотру самопального ряду сидельцев Ивана Алексеева, Луки Васильева смотря замков сказали: цена замкам, oprичь барабарских, по 5 алтын штука, потому что многие перепорчены, изломаны; денег за все по цене за 56 замков 8 рублей 13 алтын 2 деньги. 9 замков барабарских по два алтына по две ден[ьги], итого 21 алтын. Замок жагра немецкая цена 6 ден[ьги]»⁶⁸. Несмотря на краткость этих данных, легко установить, что все упомянутые в этом отрывке механизмы, кроме одного, представляли собой по меньшей мере три типа кремнево-ударных замков, оцененных, даже с учетом их плохого состояния, в 14 или 30 денег в среднем каждый.

Уже одно это обстоятельство резко отличает их от фитильного замка («жагра немецкая»), оцененного, несмотря на исправность всего в шесть; денег.

Большое количество описаний замков содержится в Описи Московской Оружейной Палаты 1687 г. Вот несколько примеров. «Пищаль, винтовальная Григорьева дела Вяткина, замок резной на аглинское дело, золочен; на полке корупа, на курок глава лвова, исподу курка и у огнива главы китовые». «Пищаль винтовальная скорострельная, замок на аглинское дело, гладкий, золочен, полка и огниво и лапочки прорезные». «Пара пищалей турецких, русское дело, замок на турецкое дело двойнова взвода»⁶⁹. Эти и подобные им указания Описи весьма ясно говорят о том, что речь в них идет о кремнево-ударных замках различных типов.

Как уже отмечалось выше, в отдельных документах середины XVII в. изредка попадает термин «замок» и в приложении к фитильному механизму, но такие случаи чрезвычайно sporadичны и легко объяснимы. В перечень оружия Троице-Сергиева монастыря 1641–1642 гг. включены «90 замков фитильных от мушкетов»⁷⁰. В царской грамоте 1655 г. с приказом ускорить в Москве производство мушкетов упоминаются мастера, изготовлявшие «жагранные замки»⁷¹. В этих случаях документы говорят и об оружии «с жагрой» в целом, а только о самом механизме воспламенения. Если в его наиболее примитивных и, безусловно, ранее всего возникших типах переходящая в спусковой рычаг жагра являлась чуть ли не единственным элементом всей конструкции, то в усовершенствованном механизме, обычном для фитильного оружия середины XVI–XVII вв.,

⁶⁴ С. Л. Марголин. Ук. соч., стр. 97.

⁶⁵ Там же, стр. 88, 89, 97.

⁶⁶ П. И. Савваитов. Описание старинных царских утварей, стр. 32.

⁶⁷ Опись и продажа с публичного торга оставшегося имения по убиении народомобвиненного в измене Михаила Татищева во 116 году. Временник Общества истории и древностей российских, VIII, М., 1850, стр. 10.

⁶⁸ Роспись всяким вещам, деньгам и запасам, что осталось по смерти боярина Никиты Ивановича Романова. ЧОИДР. М., 1887, кн. 3, стр. 48–49.

⁶⁹ Ук. опись 1687 г., л. 215 об.–216 об., 219 об., 225–226.

⁷⁰ П. В. Гордеев. Ук. соч., стр. 16.

[113]

жагра была лишь самой характерной, но отнюдь не одинокой деталью, а все устройство на монтажной доске, конечно, заслуживает наименования фитильного (или «жагранного») замка. Однако, судя по огромному количеству документов, на практике такое обозначение механизма к середине XVII в. только начинало входить в употребление, господствовало же в языке более краткое и древнее название – жагра, обозначавшее изначально простейшее фитильное приспособление, а потом распространившееся и на более сложные его типы.

Таким образом, многочисленные документальные данные XVI–XVII вв. позволяют констатировать, что в этот период оружие с фитильным воспламенением

обозначалось, как правило, при помощи термина «жагра»; за редчайшими исключениями термин «замок» не применялся в связи с таким оружием, а служил обычно для обозначения или описания искровых воспламенительных механизмов.

Рассматривая русские источники XVI–XVII вв., в которых встречается термин «самопал», нельзя не заметить одну очень характерную особенность: в тех случаях, когда этому термину сопутствует хоть какое-нибудь указание на систему воспламенения, легко установить, что речь всегда идет только об искровых замках. Такие указания содержатся в виде упоминания либо о системе механизма, либо о деталях замка, либо о замке вообще.

В повести об осаде Пскова Стефаном Баторием рассказывается о том, как поляки попытались убить псковских военачальников при помощи адской машины, смонтированной в большом ларце: «двадцать четыре самопала занаряжены на все четыре стороны, на верх же их засыпано с пуд зелья, заводные же замки [в другой редакции: заводным же замком] ремнем приведены к личинки ларца, за него же только приняты, заведенным же самопальным замком огненным всем отпад, огнем запалити»⁷². Говоря об этом же эпизоде, Пискаревский летописец первой четверти XVII в. сообщает, что ларец был «полон зелья и пищалок маленьких. А тот ремешик приведен к спускам санапальным»⁷³. В «Записках» польского историка XVI в. Р. Гейденштейна и в двух русских исторических сборниках XVII в. самопалы этой адской машины названы стволами⁷⁴.

Из этих описаний можно заключить, что внутри сундука было укреплено короткоствольное огнестрельное оружие, в числе которого были, вероятно, карабинные (а возможно, и пистолетные) стволы и несколько самопалов с «заводными замками огненными». Нетрудно догадаться, что этим выражением обозначены колесные замки, т. е. как раз та воспламенительная система, механизм которой для производства выстрела нуждался в предварительном заводе. В пользу этого заключения говорит и тот факт, что такой же термин «огненный замок» в значении «колесный замок» зафиксирован и в немецких (Feuerschloss) и английских (firelock) письменных источниках с середины XVI в.⁷⁵ Кроме того, следует отметить, что применение самопальных искровых замков в качестве воспламенителя адской машины, предназначенной для автоматического действия, являлось в то время технически единственно возможным решением задачи.

Выше уже говорилось, что в описи имущества Б. Ф. Годунова под заголовком «Самопалы» значатся семь предметов: «Самопал съежей...⁷⁶ замок ливонской; сверх колеса обод, и под колесом и кругом колеса золочена образинка; замок весь стравлен водками, по краям каймы золочены...» «Самопал съежей... замок ливонской, наведен серебром и золотом». «Самопал съежий... замок свиской...». «Самопал турской долгой... замок

⁷² Повесть о прихождении..., стр. 96; па стр. 105 – разночтения.

⁷³ Там же, приложения, стр. 111.

⁷⁴ Там же, приложения, стр. 121–122 (списки 13, 14), 127.

⁷⁵ С. Blair. A Note..., стр. 224; J. F. Hayward. English Firearms..., стр. 117.

⁷⁶ «Съежий», «сезжий» означает «кавалерийский».

[114]

свиской...». «2 самопала съезжие... замки ливонские...». «Аркобуз литовской... замок ливонской...».

В этом перечне четыре «съежих» самопала и «аркобуз литовской» отмечены «с ливонскими замками», т. е., судя по совершенно ясному описанию, – колесцовыми замками. На двух самопалах поставлены «замки свиские», под которыми наверняка имеются в виду кремнево-ударные замки шведских типов, отличавшиеся весьма характерными формами.

В упоминавшейся описи имущества М. И. Татищева зафиксированы, в частности,

«самопал съезжей... замок колесной...; 2 замки самопальные шкоцкие...»⁷⁷. Первый из этих предметов не нуждается в пояснениях, а в отношении двух других позволительно, на мой взгляд, утверждать, что они представляли собой кремнево-ударные замки шотландского типа, которые формами деталей и орнаментацией явно выделялись среди других разновидностей этой системы.

В «Росписи дворового имущества умершего М. М. Строганова» (1627 г.) имеется раздел «Перепись самопалом»⁷⁸, составленный не очень тщательно, как можно судить по небрежным описаниям⁷⁹. Здесь из 43 предметов, названных самопалами, 27 описаны «с замком», а один помечен как «колесчатой». Последний был выделен, скорее всего, потому, что остальные самопалы были оснащены гораздо чаще встречающимися кремнево-ударными замками. «Колесные самопалы» значатся также в описях Оружейной палаты Кирилло-Белозерского монастыря 1621 и 1635 гг.⁸⁰ и в других источниках.

Необыкновенно красноречиво подчеркивают разницу между самопалами и фитильным оружием документы 1648 г. из переписки различных московских приказов по поводу снаряжения солдат, отправляемых в поход к Дону. 12 мая 1648 Посольский приказ обратился в Стрелецкий приказ с просьбой выдать для этой цели оружие: «Указал государь царь послати на Дон Андрея Лазарева, а с ним послать тысячу человек салдат; а мушкеты, и шпаги, и пики, банделеры взяв, дать им из Стрелецкого Приказу...»⁸¹. 15 мая Стрелецкий Приказ ответил: «... в государеве казне в Стрелецком Приказе салдацких мушкетов з жаграми, и пик, и банделеров нет... А есть в государеве казне в Стрелецком Приказе стрелецких самопалов тульского дела с рускими замками восьмсот самопалов да двести самопалов стволы немецкие, замки русского дела...». Помета на обороте: «Мушкеты взять, а о пиках и о банд ел ерах, и о шпагах послать память в Ружничей Приказ»⁸².

Рассматривавший этот документ С. К. Богоявленский отметил только, что в Стрелецком Приказе различали мушкеты от самопалов, а в Посольском Приказе такого различия не видели. Не усмотрел этой разницы и сам исследователь, считавший, что термин «самопал» употреблялся как общее название ружья⁸³. Между тем, этот и связанные с ним документы позволяют сделать ряд весьма определенных выводов.

Резюмируем то, что сказано в приведенных цитатах об огнестрельном оружии. Дьяки Посольского Приказа просят выдать из казны 1000 мушкетов. Дьяки Стрелецкого приказа отвечают, что мушкетов с жаграми у них в Приказе нет, и предлагают взамен самопалы с русскими замками. Посольские дьяки выражают согласие получить то, что им предложили, пометой: «Мушкеты взять». Итак, дипломатические чиновники, действительно, не различают «мушкеты» и «самопалы». Для них

⁷⁷ «Временник...», VIII, 1850, стр.10.

⁷⁸ А. А. Введенский. Торговый дом XVI–XVII вв. Л., 1924, стр. 46.

⁷⁹ Среди 58 предметов этого раздела значатся, например, «7 пищалей с урывком», «затинная ложа белая, у нея [рядом с ней?] 8 прикладов пищальных», «7 самопалов, что после делу куплены».

⁸⁰ А. Н. Кирпичников, И. Н. Хлопин. Ук. соч., стр. 196–197.

⁸¹ РИБ, XXVI, стб. 894-895, № 24.

⁸² РИБ, XXVI, стб. 897-898, № 27.

⁸³ С. К. Богоявленский. Ук. соч.. стр. 274.

[115]

«мушкет», «самопал», «пищаль» – это вообще солдатское огнестрельное оружие, устройство и точное наименование которого им безразличны: в записке посольских дьяков в Ямской приказ о перевозке этого же самого оружия они называют его уже «пищальями»⁸⁴.

Гораздо важнее и показательнее в разбираемом документе мнений: специалистов-работников Стрелецкого Приказа, безусловно, досконально знавших и различавших виды огнестрельного оружия. Хотя в просьбе о выдаче мушкетов не указывалось, какого они

должны быть типа, стрелецкие дьяки в ответе уверенно назвали просимое оружие «мушкетами с жаграми». Такое восприятие термина «мушкет» специалистами свидетельствует прежде всего, что это оружие оснащалось в середине XVII в. фитильными замками (а чем имеется много других сведений). И вот этому-то фитильному оружию противопоставлены самопалы, причем в их описании замки явно упоминаются не столько для характеристики самого вида оружия, сколько для сведения о типе конструкции и месте выработки.

24 мая 1648 г. непосредственно ведавший подготовкой вооружения и экипировки майор Яков Урвин представил перечень необходимых для его отряда предметов. В их числе были названы 1000 мушкетов и 150 пудовфитиля⁸⁵ – ясное указание на то, что старший офицер отряда, иностранец на русской службе, предполагал дать всем солдатам фитильные мушкеты, самое обычное оружие в европейских армиях этого периода. Вопрос о вооружении отряда рассматривался и в последующие дни, и в конце концов было решено выдать оружие из Оружейной Палаты, куда еще раньше Посольский Приказ обратился с такой же просьбой, как и в Стрелецкий Приказ⁸⁶. В указе от 31 мая 1648 г., адресованном в Оружейную Палату, сказано: «...Да салдатам..., которым указал государь дать наперед сего тысячу мушкетов, и в том числе указал государь дать восьмьсот мушкетов с фетилями, а двесте з замками»⁸⁷. Возможно, что это решение было отчасти обусловлено соответствующим количеством солдат, обученных обращению с тем или другим типом оружия; вполне вероятно также, что власти не сочли целесообразным выдать 1000 сравнительно дорогих самопалов из Стрелецкого Приказа отряду, состоявшему из только что, набранных и довольно ненадежных солдат, которые, выйдя из Москвы, даже попытались разграбить казну и, «поймав оружие, бежать»⁸⁸.

Можно было бы рассмотреть еще много документов XVI–XVII вв., но они давали бы только новые подтверждения уже имеющимся данным, что термин «самопал» никогда не упоминается в связи с жагрой или фитилем, но во всех случаях, когда наряду с этим термином приводятся какие-либо сведения о типе воспламенительного устройства, «самопал» выступает как название оружия с замочным, т. е. искровым воспламенительным механизмом.

О самопалах имеется еще одна категория сведений, которые следует учитывать. Это те вещественные памятники, с которыми увязываются определенные сообщения письменных источников. В некоторых из них упоминаются, например, самопальные мастера, чьи изделия известны по документальным описаниям или дошли до нашего времени в музейных собраниях.

В документах Оружейной Палаты неоднократно фигурирует «самопальный и замочный мастер» Григорий Вяткин⁸⁹. Одна из его работ описана

⁸⁴ РИБ, XXVI, стб. 915–916, № 46.

⁸⁵ РИБ, XXVI, стб. 932, №-58.

⁸⁶ РИБ, XX-VI, стб. 891–893, № 20; стб. 903–904, № 33.

⁸⁷ Там же, стб. 948–949, № 80.

⁸⁸ Там же, стб. 956–959, № 88.

⁸⁹ Ю. В. Арсеньев. К истории Оружейного Приказа в XVII веке СПб 1904стр. 43-45, № 23.

[116]

в ведомости предметам, изготовленным в мастерских Палаты в 1663 г.: «Пищаль винтовальная, ствол о шести винтах, замок шкоцкой, травчатые, золчены сплошь; делал и золотил Григорей Вяткин. Станок делал Ефтифей Кузовлев»⁹⁰. Из этого описания видно, что Г. Вяткин участвовал в изготовлении оружия с кремнево-ударным замком шотландского типа, т. е. с «самопальным» замком. В одном из документов 1649 г. приводятся заслуживающие внимания сведения об ученике Г. Вяткина Василии Титове, который, кстати, рассматривается в нашей литературе только как ствольный мастер⁹¹.

Между тем в челобитной Г. Вяткина о приеме его ученика в самопальные мастера говорится: «А у выписки Григорей Вяткин сказал, что тот ево ученик Васка... стволы и замки пищальные делает всякие... и всякое самопальное дело делает что он, Григорей, умеет. А Васка Титов у выписки сказал тож, что он всякое пищальное и замочное дело делает против мастера своево Григорья Вяткина, золотом наводить умеет». Помета на этом документе гласит, что возглавлявший Палату боярин Г. Г. Пушкин «...велел ему, Васке, быть в самопальных мастерах...»⁹². С деятельностью В. Титова обоснованно связываются хранящиеся в Московской Оружейной Палате четыре пищали-самопала, оснащенные кремнево-ударными замками⁹³, из которых один замок приписан работе другого мастера, а остальные сделаны вполне вероятно самим В. Титовым.

Выдающимся мастером Оружейной Палаты был Первуша Исаев, известный в некоторых документах как «самопальных замков мастер»⁹⁴. К настоящему времени выявлено семь пищалей и пистолетов, на замках которых выбиты клейма этого оружейника⁹⁵, причем все эти замки представляют собой несколько типов кремнево-ударной системы. Следовательно, именно подобные механизмы именовались некогда самопальными замками.

В собрании Оружейной Палаты сохраняются два охотничьих ружья первой четверти XVII в., поднесенные царю английским купцом Смитом⁹⁶. Оба ружья оснащены кремнево-ударными замками и при поступлении были зарегистрированы в приходно-расходной книге Казенного Приказа за 1625 г. как «два самопала»⁹⁷.

Таким образом, совокупность самых различных данных позволяет заключить, что термин «самопал» возник как обозначение ручного огнестрельного оружия с искровыми механизмами автоматического воспламенения и применялся в XVI–XVII вв. только по отношению к оружию с колесцовыми и кремнево-ударными замками.

Установление этой специфики термина «самопал» важно для истории русской военной техники и военного дела вообще, так как с раскрытием конкретного значения этого термина появляется возможность по-новому проанализировать те русские письменные источники, которые, давая информацию о вооружении XVI–XVII вв., сообщают какие-либо сведения и о самопалах.

В данном аспекте очень большую ценность имеет, прежде всего, цитированная выше повесть об осаде Пскова в 1581–1582 гг., упоминающая о применении самопалов псковскими стрельцами⁹⁸. Нет сомнения

⁹⁰ И.Г. Забелин. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. I. М., 1895, стр. 723.

⁹¹ Н. В. Гордеев. Ук. соч., стр. 47–51.

⁹² Ю.В. Арсеньев. Ук. соч. стр. 44–45.

⁹³ Н.В. Гордеев. Ук. соч., стр. 47–51.

⁹⁴ Ю. В Арсеньев. Оружейный Приказу при царе Михаиле Федоровиче. СПб., 1903, стр. 10–11, № 6.

⁹⁵ Н. В. Гордеев. Ук. соч., стр. 40–46. Один неизданный пистолет хранится в Гос. Эрмитаже. По установившейся традиции этот мастер в литературе ошибочно именуется «Исай Первушин».

⁹⁶ Опись Московской Оружейной Палаты. М., 1885, стр. 149–151.

⁹⁷ Там же, стр. 150.

⁹⁸ Повесть о приходе..., стр. 88.

[117]

в том, что автор повести, применявший к стрелковому оружию также термину «ручница» и «пищаль», хорошо понимал особенности самопалов как оружия с автоматическим воспламенительным механизмом. Об этом можно судить по тому, что в описании устройства адской машины повествователь говорил только о самопалах и самопальных замках. Как я отмечал выше, вооружение стрельцов самопалами указывает на то, что это оружие к началу 80-х годов XVI в. не являлось уже на Руси редкостью, доступной лишь немногим состоятельным лицам. С другой стороны, по свидетельству англичан,

посетивших Москву в составе экспедиция А. Дженкинсона, даже московские стрельцы, участвовавшие 12 декабря 1557 г. в показательных стрельбах в присутствии царя Ивана IV, были еще вооружены фитильными пищалями⁹⁹.

По этим сведениям можно заключить, что внедрение нового «самопального» оружия в вооруженные силы Московского государства началось не позднее последней трети XVI в. и к 80-м годам некоторая часть стрельцов была уже вооружена самопалами. Само появление их на Руси в качестве оружия охотников-промысловиков, у знати и воинов-профессионалов, безусловно, должно было несколько предшествовать более широкому распространению. Самопалы рядовых стрельцов, вероятно, были оснащены простейшими кремнево-ударными замками тех типов системы Snaphaan, которые встречаются на старейших русских самопалах¹⁰⁰, Наряду с ними, в дорогом оружии применялись, надо полагать, и колесные замки, но они в подавляющем большинстве наверняка принадлежали к вооружению европейской выделки, импортированному или трофейному, так как механизмы этой сравнительно сложной системы не привились в русском оружейном производстве, и если они изготавливались русскими мастерами, то в крайне небольшом количестве.

В свете изложенного следует изменить общепринятое мнение, что появление кремнево-ударных замков в России относится лишь к концу XVI – началу XVII в. (а в Западной Европе – якобы к еще более позднему времени)¹⁰¹, и в корне пересмотреть как специальные вопросы эволюции и датировки русского огнестрельного оружия, так и связанные с этим проблемы истории военного искусства. При этом необходимо принимать во внимание, что уже на нынешней стадии исследования вопроса позволительно отнести начало Освоения кремнево-ударных замков в России к первым двум десятилетиям второй половины XVI в.

Вряд ли стоит останавливаться на том, сколь мало оправдана с историко-оружиеведческой точки зрения квалификация самопалов как «примитивного»

⁹⁹ Описывая выход стрельцов на смотр, англичане отметили, что каждый из них нес «свое ружье на левом плече, а фитиль – в правой руке». В. Hakluyt. The Principal Navigations, Voiages, Traffiques and Discoveries of the English Nation... London, 1598, стр. 317.

¹⁰⁰ Самопалы из Соловецкого монастыря (И. Е. Бранденбург. Ук. соч., I, стр. 257 ел.) и из Троице Сергиевой лавры (Н. В. Гордеев. Ук. соч., стр. 6 ел. Автор относит к XVI в. только стволы, замки датирует рубежом XVI–XVII вв.). Эти образцы в их настоящем виде до сих пор датируются началом XVII в., однако не подлежит сомнению, что наиболее архаичное оружие из этих групп относится ко второй половине XVI в.

¹⁰¹ Н. Е. Бранденбург. Ук. соч., стр. 238; М. З. П о р т н о в. Ручное метательное и огнестрельное оружие. Сб. «Русское оружие XI–XIX веков». М., 1953, стр. 100; В. Е. М а р к е в и ч. Ручное огнестрельное оружие, I. Л., 1937, стр. 83; Н. В. Гордеев. Ук. соч., стр. 6 ел.; Н. И. Гнатовский, П. А. Шорин. История развития отечественного стрелкового оружия. М., 1959, стр. 22. В трудах военных историков также встречаются хронологические ошибки и различные неточности. А. В. Чернов считает, что кремнево-ударный замок появился на Западе около 1670 г. (Вооруженные силы русского государства XV–XVII вв. М., 1954, стр. 173); А. А. Строков относит лишь к концу XVI в. появление «зажимного куркового замка» (История военного искусства, I, М., 1955, стр. 326); Е. А. Разин переносит появление кремнево-ударного замка даже к концу XVII в. (История военного искусства, III, М., 1961, стр. 222; здесь же помещен рисунок, якобы изображающий, мушкет этого времени, а фактически – ружье первой четверти XIX в.).

[118]

оружия, так как очевидно, что оружие с искровым воспламенением, ознаменовав собой важный оружейно-технический прогресс, оказало огромное влияние на все развитие военного дела. Нельзя, однако, пройти мимо того, что в ряде печатных работ игнорируются достаточно хорошо известные достижения оружейной техники XVI–XVII вв. Я имею в виду те описания самопалов, в которых содержатся утверждения, что это было гладкоствольное и дульнозарядное оружие.

В советских и зарубежных музеях хранится значительное количество огнестрельного оружия второй половины-XVI–XVII вв., каналы стволов которого имеют

спиральную нарезку. Применение нарезных стволов отразилось в таких терминах русских письменных источников, как «пищаль винтовальная», «винтовка», «ствол о шести винтах» и т. д. Существуют в музеях также превосходные образцы европейского и русского оружия того же периода, в которых применен принцип заряжения с казенной части одним или несколькими зарядами. Последние системы значительно повышали темп стрельбы, а подобное оружие часто именуется в русских источниках «скорострельным». Следует при этом подчеркнуть, что все выявленные в музеях русские образцы нарезного и казнозарядного оружия смонтированы как раз с искровыми замками различных типов, т. е. являются самопалами - отнюдь не примитивным, а, наоборот, технически наиболее совершенным оружием своего времени.

IV

Судя по источникам, применению некоторых оружейных терминов в 16-17 вв. была присуща известная настойчивость, которую можно объяснить нередким объединением особенностей разных видов и типов оружия в одном образце. Тем не менее письменные и вещественные источники позволяют определить значение и время бытования многих применявшихся в России названий огнестрельного оружия.

Несомненно, что термин «пищаль» в России до XVIII в. служил общим обозначением длинноствольного ручного огнестрельного оружия, независимо от типа воспламенительного устройства. В то же время самопалом называли только оружие с искровым воспламенителем. Оружие явно иностранного происхождения часто выделяли под иностранными же названиями которые мало-помалу прививались в русском языке. Чрезвычайно яркий пример сказанному – записи об одном из упомянутых выше охотничьих ружей, поднесенных царю в 1625 г. Это ружье с кремнево-ударным замком, смонтированное на массивном ложе мушкетного образца было зарегистрировано вначале как «самопал», а при инвентаризации Оружейной Палаты в 1687 г. было записано как «пищаль немецкая мушкет... замок аглинской»¹⁰².

Поскольку само возникновение термина «самопал» было связано с появлением автоматических воспламенительных механизмов, в принципе это название могло прилагаться к любому виду оружия с искровым замком. Видимо, так и обстояло дело, особенно в период начального освоения этих механизмов. Включение колесцовой аркебузы в перечень самопалов Б. Годунова свидетельствует об этом достаточно определенно. Название «аркебуза» встречается в русских документах весьма редко и следует предположить, что этим словом в России называли исключительно те экземпляры оружия, западное происхождение и название которых в каждом отдельном случае был точно известно. Пистолет, развитие которого началось лишь с применением искровых замков, вероятно также некоторое время мог именоваться самопалом¹⁰³, но с конца XVI –

¹⁰² ЦГАДА, кн. № 936, л. 215, № 7. Ружье хранится в Оружейной Палате (№ 6783).

¹⁰³ Об этом позволяет судить как сербско-хорватское «самокрес», «самопало» - автоматический пистолет, так и французский перевод записанного в 1586 из Севере России слова *senapal une pistole*. Б. А. Ларин. Парижский словарь москвитов, стр. 80.

[119]

начала XVII в. в России (как и в европейских странах), безусловно, преобладало уже название «пистоль», выделявшее это характерное оружие для одной руки из всех видов огнестрельного оружия.

В отношении термина «самопал съезжий» можно с уверенностью сказать, что во второй половине XVI–начале XVII в. так называли легкую кавалерийскую пищаль с искровым замком. Так как оснащение кавалерийского оружия подобными механизмами в это время и в дальнейшем составляло одну из характернейших черт распространения замков автоматического воспламенения, можно не сомневаться в том, что более употребительный в XVII в. термин «пищаль завесная» означая то же самое оружие.

Аналогичное западноевропейское оружие именовалось с середины-XVI в. карабином. Это слово применялось и в России по отношению к импортным образцам или выполненным по ним отечественным изделиям, поскольку по форме ложа и облегченному замку их нетрудно было отличить от русских пищалей.

Европейский мушкет с начала последней четверти XVI в. имел весьма характерную конструкцию и внешний вид. Большая общая длина (до 160–170 см), крупный калибр обычно гладкого ствола, массивное ложе, тяжелый расширяющийся на конце приклад и вырез для большого пальца на шейке приклада – все это резко отличало мушкет от аркебуза и другого оружия, в том числе от более легких русских пищалей¹⁰⁴. Подавляющее большинство мушкетов, включая и изготовленные в России по иностранным образцам, оснащались фитильными замками, что также отличало их от пищалей, в которых с первой четверти XVII в. преобладали кремнево-ударные замки. Надо отметить, что широкое применение последних в России сказалось, в частности, и в том, что некоторая часть мушкетов также снабжалась этими механизмами, хотя количество такого оружия, судя по документам, не превышало 25% общего числа мушкетов даже к концу XVII в. Эти сравнительно малочисленные мушкеты и привозные охотничьи ружья мушкетного типа с автоматическим воспламенением иногда с полными правом именовались самопалами, но, как правило, подобные образцы назывались «мушкетами» ввиду присущих им внешних отличительных особенностей.

Таким образом, к середине XVII в., когда применявшиеся в России огнестрельное оружие и его наименование приобрело относительную стабильность, вскоре нарушенную прогрессивными реформами Петра I, термин «самопал» прилагался к различному ручному огнестрельному оружию, но только с автоматическим воспламенением. В тех многочисленных случаях, когда этим термином обозначалось оружие отечественного производства, можно с уверенностью понимать «самопал» как название пищали с искровым воспламенительным механизмом, которым в изделиях русских мастеров почти всегда служили кремнево-ударные замки.

¹⁰⁴ Показательно, что французские моряки в 1586 г. перевели русское слово «пищаль» именно термином «une harquebuzе». Б. А. Ларин. Ук. соч., стр. 80.